

**МЕЖДУ БЫТОВЫМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ
АНТИСЕМИТИЗМОМ:
ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ И НЭПА¹**

Как велико число наций и народностей, населяющих Россию-СССР, так широк и круг проблем, охватывающих столь тонкую сферу человеческого общения, как национальные отношения. С одной стороны, революция породила у многочисленных народов страны не только надежды на ликвидацию национального угнетения, но и разнообразные формы национального самоопределения. С другой стороны, государство, возникшее в 1917 г., пыталось положить в свою основу идеи интернационализма. Но абстрактный интернационализм на практике представлял собой попытку использования культуры тех народов, которые могли служить массовой опорой новой государственности. Именно двойная социальная функция евреев в послереволюционное время - интеллектуальное обслуживание системы и тем самым сохранение интеллектуальных ресурсов в условиях террора (или, другими словами, элементарное выживание) - определила специфическую социальную роль, исполненную евреями в советской истории и, в свою очередь, феномен антисемитизма в «стране пролетарского интернационализма».

В условиях произвола евреи ориентировались на устойчивую власть, причем демократизм последней играл второстепенную роль. Представляется, что введение в научный оборот таких специфических архивных документов, как «письма во власть», может способствовать представлению национальной политики этого периода вообще и «еврейского вопроса», в частности, как «искусства соединения национальных интересов» (1). В письмах прослеживаются не только реальные факты и проявления антисемитизма, но и отражение их в массовом сознании различных слоев населения.

Цель данной статьи показать динамику трансформации внутреннего мира «маленького еврейского жителя» в годы революции, Гражданской войны и нэпа, проанализировать зависимость его ментальности от изменений правительственной политики по еврейскому вопросу и от бытового антисемитизма. «Письма во власть» позволяют, с учетом специфики проживания и жизнедеятельности еврейского населения в пределах бывшей черты оседлости и в столицах, выделить наиболее значимые черты массового сознания еврейского обывателя в 1917-1927 гг. Это не значит, что такие специфические источники личного происхождения, как заявления, жалобы, доносы и другие формы апелляции в государственные структуры и большевистским вождям, при всей их репрезентативности, способны однозначно и абсолютно объективно отражать структуру менталитета еврейского населения в столь переломную эпоху. Но в сочетании с новейшими исследованиями в этой области источники личного происхождения существенно дополняют и расширяют наши знания в столь сложной и «неудобной» проблематике как

---

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. *Между бытовым и государственным антисемитизмом: еврейское население России в годы НЭПа // Армагеддон. 1999. Кн. 5. С. 151-161.*

«еврейский вопрос», который оставался болезненным все послереволюционное десятилетие.

«... Мы, евреи, являемся козлами отпущения при всех случаях»: российское еврейство в годы революции и Гражданской войны

При этом необходимо учитывать ряд весьма существенных моментов, придавших особый колорит и специфику национальным отношениям в условиях Гражданской войны и новой экономической политики. Официозный антисемитизм выступал способом «упрощенной попытки взнудать массы» со стороны власти предрешающих, а бытовой антисемитизм дрейфовал в сторону представления еврея главным действующим лицом русской революции (2). Уже в конце мая 1917 г. «Маленькая газета» А.Суворина раскрыла псевдонимы большевистских лидеров, тем самым объявив евреев носителями большевизма, а следовательно - виновниками нарастающей разрухи и анархии. И это притом, что практически у всех еврейских политических партий и групп было резкое неприятие большевизма (3).

Нарастание социально-экономического и политико-идеологического кризиса в стране после Февраля неизбежно возрождало к жизни антисемитизм, имеющий глубокие корни в российской истории: в июне в Петрограде наблюдается рост бытового «революционного» антисемитизма солдат и малосознательных рабочих, идущих за левыми партиями. И в этом «единении» правых и левых совсем нет парадокса. Для массового сознания евреи являются мифологической структурой национальной идентификации от противного, от натурализованного комплекса негативных качеств, непризнаваемых в качестве собственных черт той или иной общности. В зависимости от того, какие ценностные конфликты составляют наиболее важные узлы данной культуры, евреям приписываются те или иные отрицательные ценностные качества. То есть нельзя говорить об одном виде антисемитизма, он - многолик.

Дороговизна, «хвосты» в очередях и спекуляция, особенно спиртными напитками приводили к массовому озлоблению горожан на спекулянтов и к появлению примитивных антибуржуазных настроений. Расправы со спекулянтами и ворами, погромы лавок и складов встречали сочувствие со стороны обывателей, а в обыденном сознании важное место заняла система образов врагов, в рамках которой наиболее четко проявлялись повседневные настроения. К осени в массовом сознании произошли значительные изменения: оно вступило в стадию разочарования обывателей в символах революции, с которыми прежде связывались их надежды. Антисемитизм здесь пришелся как нельзя кстати.

Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с одной из основных мифологем антисемитского сознания, которую весьма метко охарактеризовал в своем дневнике И.А. Бунин: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жида на все это дело подбили...» (4). В новых условиях усилилось значение антисемитизма как «языка между властью и народом». Причем антисемитизм отразил рост антибольшевистских настроений в стране. Реалии войны и революции отождествляли их в массовом сознании с еврейством, которое выступало зримым воплощением революционных катаклизмов. Утверждению подобных взглядов на Октябрьскую революцию как на некий «еврейский заговор» при поддержке

«латышских штыков» в немалой степени способствовал появившийся в мировой печати в 1923 г. сборник статей «Россия и евреи». В очерке «Россия и русское еврейство» один из авторов - М. Бикерман - так охарактеризовал «вклад» своего народа в российскую революцию: «Нечего и оговаривать, что не все евреи - большевики и не все большевики - евреи. Но не приходится теперь даже долго доказывать непомерное и непомерно рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками у власти...» (5). И в этом сонме мифологем гласом вопиющего в пустыне оказалось мнение Ю. Анхенвальда, что большевизм самый большой вред еврейству принес тем, что «вызвал иллюзию своей тождественности с ним» (6).

Все же, думается, роль еврейского элемента в революции несколько преувеличена. Например, еврейское население столицы в начале 1917 г. составляло 50-60 тыс. чел., но собственно Петроградская Еврейская община была небольшой и замкнутой - 300-400 чел. (7). Да и другие еврейские общественные организации - ЕКОПО (Еврейский комитет общества помощи жертвам войны), ЕПО (Общество просвещения евреев), ОРТ (Общество ремесленного и земледельческого труда), ОЗЕ (Общество охраны здоровья еврейского населения), ЕКО (Еврейское кредитное общество) и прочие - старались держаться подальше от политики. Октябрьский переворот был оценен еврейством как реализация самого плохого, но вполне предсказуемого варианта развития. Символом переживаемого момента становится образ «бедлама», сумасшедшего дома (8).

Конечно, после Октября большевики недооценили силу и глубину антисемитских настроений, поэтому не проявили осторожности при выдвижении евреев на руководящие посты, особенно на Украине. Но вряд ли можно говорить о правлении в Советской России абсолютного еврейского большинства. Например, в первом советском правительстве Л.Д. Троцкий был единственным евреем и то вопреки своему сопротивлению. Участие, и весьма заметное, евреев в карательных органах (в поэме С.Есенина «Страна негодяев» собирательным образом еврей-коммуниста, презирающего все русское, служит комиссар Чекистов) (9) неправомерно рассматривать как национальный феномен. Это скорее результат социальных, политических и культурных процессов в среде российского еврейства в послереволюционные годы. Современные исследования национального состава, как центрального аппарата, так и губернских отделов ВЧК-ОГПУ демонстрируют далеко не однозначную динамику. Так, в сентябре 1918 г. в аппарате ВЧК в Москве евреи составляли всего 3,7% сотрудников, хотя среди административно-управленческого аппарата ВЧК их удельный вес был выше - 8,6%. Среди комиссаров ВЧК евреи составляли 4,3%, зато среди следователей и их замов - 19,1%, причем из 12 следователей отдела по борьбе с контрреволюцией половину составляли евреи. Но при этом среди чекистов-евреев наблюдался самый высокий процент беспартийных - 28,6%. Количественный анализ демонстрирует сильный перекос в кадровой политике и явную диспропорцию между удельным весом еврейского населения в стране и присутствием евреев на разных ступенях партийно-государственной иерархии. Если по переписи 1920 г. доля евреев среди населения составляла всего 2,11%, то по партийной переписи 1922 г. их удельный вес в партии был 5,2% (10). Тогда как качественный анализ вышеуказанной динамики показывает, что доля евреев в аппарате ВЧК-ОГПУ в эти годы сравнима с их долей в рядах партии. Кроме того, чекисты-евреи, в отличие от латышей,

попадая на работу в советские учреждения, постепенно теряли многие черты национального сознания и быта и не стремились к национальной самоидентификации. Что же касается массовых настроений, то здесь, скорее всего, срабатывал сам факт присутствия евреев во властных структурах, что было разрывом со всей дореволюционной историей российского государства и управленческими принципами всех предыдущих столетий.

Рост антисемитизма после революции не был чем-то неожиданным, так как последний никогда и не исчезал в массовом сознании, принимая разнообразные, подчас неожиданные формы. В письме заключенного Г.Г. Кухаря коменданту Петропавловской крепости, датированном не позднее 23 декабря 1917 г. и озаглавленном весьма претенциозно («Ответ каждому, почему я приехал истребить Ленина и Троцкого»), звучит такое объяснение: «Каледин и его В[ерховное] Правите[льство] сказали мне, что это не русские люди, а жида приеха[ли] из Германии в железном plombированном вагоне разложить русскую армию, посеять смуту среди народа, затеять гражданскую войну и тем восстановить опять Романовых на троне. И он за это получил от Вильгельма и его прав[ительства] миллиарды, а мы как томились под игом, так и будем томиться по тюрьмам» (11). Врач М.М. Оверк в заявлении Г.Е. Зиновьеву из Дома предварительного заключения в мае 1918 г. пытается дать свой ответ на хрестоматийный вопрос «Кому на Руси жить хорошо?», язвительно ходатайствуя «о перемене фамилии своей Оверка - в Оверкеса, Оверштейна или Оверкмана» (12). Вообще, в письмах этой поры довольно часто звучит мотив, своеобразно выраженный в письме Оверка - при новой власти хорошо живется только евреям.

В годы Гражданской войны большевистский режим нередко отождествлялся с «малым народом», что, на взгляд корреспондентов, придавало новой власти еще менее легитимный и даже откровенно узурпаторский характер. Так, анонимный автор в письме в Казачий отдел ВЦИК 7 февраля 1919 г. обвиняет казаков - членов отдела, подписавших воззвание «Слушайте, братья казаки!» к казакам-беднякам с призывом «стереть с лица земли всю эту ненавистную белогвардейскую банду» и установить Советскую власть во всех казачьих областях, (13) в том, что они «жидовские наймиты, жидовские рабы, одураченные большевиками». Антисемитизм корреспондента очевиден: большевики выступают как подчиненная сила в руках «антихристов - жидов». Причем, исторический выбор невелик, так как противопоставление лежит в плоскости веры: «Разве вы ослепли и не видите, кто ныне правит Россией? ... Троцкий, Свердлов, Зиновьев и др[угие]; все это чистокровные жида, которые именуют себя русскими фамилиями, чтобы дурачить русский народ. Троцкий называется Бронштейн, Зиновьев - Либерман и т[ак] д[алее]. И это Вы предпочитаете жида Бронштейна - Троцкого Царю Православному» (14).

Вполне понятно, что большевики увидели в активизации антисемитизма (особенно к казачьей среде) угрозу основам своей государственности (15). В условиях братоубийственной войны большевистское руководство пыталось отмежеваться от антисемитских настроений, хотя местные власти нередко использовали борьбу с антисемитизмом в собственных шкурных интересах. Так, житель города Великие Луки, бывший дворянин И.В. Миклашевич был арестован летом 1921 г. особым отделом 15-й армии на основании агентурной сводки, что якобы в антисоветской речи выразился «жида грабители». Во время

шестичасового обыска были изъяты деньги, процентные бумаги, документы, соль, переписка и прочее, судьба которых осталась тайной (16). Причем подобные экспроприации были обычной практикой той поры.

В таких условиях (далеких от правовых) настроения еврейского населения были весьма пессимистичны. Например житель города Старая Русса Новгородской губернии Л. Апельсин в письме М.И. Калинин в ноябре 1919 г. жалуется на провокационные по отношению к себе действия со стороны местной ЧК. Суть дела заключалась в том, что у автора письма, владельца мелочной лавки, агентом чрезвычайки были изъяты будто бы за спекуляцию деньги и сахарин. Апельсин пишет: «Как я считал прежде, так и считаю теперь, что только один Социализм Советской власти может нас обеспечить в спокойной жизни бытия, и мне очень больно, что наша Советская власть принуждена, сохрани Боже, рухнуть от разных атаманов и других паразитов. Голос нашего уважаемого тов[арища] Зиновьева к властям, что репрессия и резкие отношения к гражданам создают более вреда государству, которое создает, а не уничтожает контр-революцию, так мы только создаем. Тов[арищ] Калинин, мы люди маленькие и такие, как я, даже на сто процентов ниже меня, угнетены, усрамлены, опозорены, уничтожены до самой нищеты. Сто таких семейств всех сословий превращаются во враг[ов] власти, т[о]лько потому, что управляют ими такие лица. И что может быть хорошего, когда Вы из Кремля даете свет, а тут его затемняют и стараются превратить во тьму. Неужели голос Ленина и Троцкого, всех светил Советской власти должен остаться вопиющим [в] пустыне. Вы можете мне не вернуть, но, ради Бога, ради света и доказательства справедливости Советской власти, пошлите сюда людей сведущих, настоящих Социалистов и Ко[м]мунистов, пусть проверят все, что я сказал, и я Вам ее докажу то, что не могу писать на бумаге» (17).

Перед нами типичная картина жизни еврейских жителей в годы войны и революции, нарисованная в письме группы евреев Подольской губернии во ВЦИК в 1924 году: «Мы хорошо знаем из жизни былых времен, что мы, евреи, являемся козлами отпущения при всех случаях : помещик поспорит с помещиком - кому попадет? - Еврею. Пристав не поладит с урядником - кого в тюрьму сажают? - Еврея. Помещик спорит с крестьянами по поводу работ - тут ясно дело, кого пороть надо? - Еврея. И после таких бедствий, несчастий, после стольких погромов, когда наша кровь лилась рекой с одного конца нашей страны до другого, когда наших отцов резали, матерей расстреливали, детей убивали, сестер насиловали, братьев пытали, имущество грабили, дома жгли и т[ак] д[алее], - и все это за что? Мы все евреи - коммунисты-большевики. Еще, в частности, в наших маленьких местечках польско-румынской границы, откуда помещики бежали, при империалистской войне вошли австрийцы и немцы, затем Петлюра /будь он проклят/, затем поляки, затем опять Петлюра со своей оравой, не осталось уж чего грабить. Убивали, грабили, жгли» (18). Корреспондент отнюдь не преувеличивает масштаб погромов. На Генуэзской конференции в апреле 1922 г. советская делегация сообщила, что в Волынской, Подольской, Киевской и Черниговской губерниях от зверств пострадало 500 тыс. чел. Из этого числа заживо похороненные и сожженные составляли более 200 тысяч, а изнасилованных женщин было зарегистрировано около 30 тысяч (19).

Но, несмотря на ряд декретов и обращений правительства Советской Украины и советского правительства о недопустимости разжигания национальной

вражды и погромов, Советская власть практически не могла остановить антисемитских выступлений. Погромы не прекращались, причем заметным было участие в них частей Красной армии, солдаты которых добывали себе продовольствие и обмундирование у местного еврейского населения. Не случайно 30 мая 1919 г. ЦК КП(б)У вынужден был вынести данный вопрос на рассмотрение Политбюро. Советское правительство Украины предпринимало определенные меры для облегчения судьбы еврейского населения. Но, одновременно, в 1919 г. под флагом интернационализма было отвергнуто предложение губернских бюро еврейских секций при ЦК КП(б)У о создании Особой комиссии по предоставлению помощи еврейскому населению, пострадавшему от погромов. В начале 1920 г. Оргбюро ЦК КП(б)У приняло решение о разоружении и ликвидации еврейских отрядов самообороны. Украинские коммунистические власти стремились поставить под свой контроль многочисленные еврейские организации (Комиссия оказания помощи евреям - КОПЕ, Общество ремесленного труда евреев - ОРТЕ, Союз трудящихся еврейских масс – «Сетмасс» и др.), при этом не оказывая последним никакой материальной поддержки. Так, в начале октября 1920 г. Центральное Бюро евсекции при ЦК РКП(б) высказалось против поддержки «Сетмасса» и передачи его функций еврейскому отделу Наркомнаца (20).

«Нам некуда бежать - Россия наша родина,
и нам не нужна ни Палестина, ни Америка»:
еврейское население периода нэпа

Если судить по письмам с мест, то завершение Гражданской войны не принесло сколько-нибудь ощутимых изменений к лучшему в положении еврейского населения, особенно в приграничных районах. Положение евреев на Украине после гражданской войны складывалось так, что значительная их часть не могла рассчитывать на эффективную помощь власти. Учитель И. Кончиц из местечка Любань Минской губернии в письме в Комиссию ВЦИК по борьбе с бандитизмом на Западном фронте 18 декабря 1921 г. жалуется на местные власти, не предпринимающие реальных мер по борьбе с бандитизмом: «Вот уже больше месяца, как Балахович ликвидирован, больше месяца прошло с тех пор, как во многих деревнях Заболотской и смежной Дьяковической и Комаровической пронесся ураган, как будто только еврейские погромы. Вот уже беспрерывно 4 месяца к нам в местечко сбегаются беженцы полубосые, босые и голодные, один вид которых наводит ужас и сеет панику. Вот уже две недели ежедневно к нам в м[естеч]ко стекаются страшно изуродованные, почти неузнаваемые человеческие трупы. Это трупы убитых евреев. Это жертвы революции. Это на них, беззащитных, в первую голову выместила свою злобу неистовствующая здесь кругом черная контр-революционная гидра. Ну, и банды, рассеяны ли они, понесли ли наказание от явления разбойников? К сожалению [о]чень мало, во многих местах они, изверги, остаются совершенно безнаказанными. Вот недавно в нашей волости среди белого дня от рук бандитов-убийц [пал] один из лучших учителей и деятелей волости т[оварищ] Протасевич. Многие здесь открыто называют убийц. И все это остается безнаказанным, и власти смотрят на это, как на обыденное и

должное, ничего не предпринимая для борьбы с этими преступлениями. Но вот же евреи в деревнях истреблены поголовно» (21).

Вполне понятно, что в этих условиях 1920-1922 гг. стали периодом массовой эмиграции евреев (в том числе и нелегальной) в Польшу и Румынию для переезда в Америку: только в 1920-21 гг. из Украины (особенно из Подолии и Волыни) эмигрировало 150-200 тыс. чел. Этот исход еврейского населения отнюдь не был безболезненным: в первой половине 1921 г. отмечались массовые грабежи беженцев, большими потоками направлявшихся к границам Румынии. Но и перейдя границу, они попадали в руки румынских жандармов, сделавших избиение и грабеж евреев-нелегалов своей профессией. Только 2 апреля 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У разрешило выезд всем желающим евреям, но распоряжением Совнаркома Украины беженцев, которые «не имели достаточных оснований для выезда за границу» и «квалифицированную рабочую силу» требовалось возвращать на прежнее место жительства (22). Может быть, по этой причине статистика не демонстрирует уменьшение еврейского населения в этот период: если в 1922 г. в СССР проживало 2,4 млн. евреев, то в 1926 г. - 2,7 млн. Для сравнения: к 1959 г. численность еврейского населения снизилась до 2268 тыс., к 1979 г. - до 1811 тыс., а к 1989 г. - до 1449 тыс. (23).

Как бы в противовес довольно часто звучавшему в «письмах во власть» мотиву, что при новой власти хорошо живется только евреям, в многочисленных посланиях еврейского населения этой поры констатируется обратное - что хуже всех живется именно евреям. «Когда мы дожили до того дня, что весь Союз ССР уже три - четыре года, как успокоился, дышит свободно, так это для всякого и каждого, но «кроме евреев». Это «кроме евреев» еще не забыто», - эти строки из письма 1924 г. группы евреев Подольской губернии во ВЦИК отражают общую картину во взаимоотношениях власти и еврейского населения на Украине. Письмо рисует картину роста антисемитских настроений в органах местной власти: «Мы, евреи, не только не дожили [до] того, чтобы подышать более легкой атмосферой, воспользоваться тем добром, добытым нашими товарищами, голодными, измученными, которые напрягают все силы улучшить положение, но нас стараются еще больше притеснять. Над нашими бедствиями и лишениями издеваются, антисемитски надругаются, мол: «Ведь это ваша жидовская власть, ведь вы этого хотели» (24).

Мы видим новую редакцию старого стереотипа, отождествляющего еврейство с властью. Хотя по сравнению с периодом Гражданской войны положение качественно не изменилось, даже в силовых ведомствах. Например, в составе руководства ОГПУ в ноябре 1923 г. евреи составляли 15,7%, занимая второе место после русских, а в Секретариате Коллегии ОГПУ - 4 из 8. В центральном аппарате ОГПУ на 1 мая 1924 г. евреи составляли 8,49% (3-е место после русских и латышей, а среди руководителей 102 окружных отделов ОГПУ на 10 февраля 1927 г. евреев было 14,7% (опять 2-е место) (25).

После некоторого спада антисемитских настроений в начале 20-х годов противоречия проводимой весьма «топорно» новой экономической политики вызвали новую вспышку антисемитизма в середине десятилетия. Как многолик сам антисемитизм, так и многообразны причины его роста во второй половине 20-х годов. Материалы перлюстрации частной переписки советских граждан 1924-1925 гг. (26) позволяют увидеть, как в бытовом сознании старые антисемитские

представления подкреплялись новыми реалиями. Во-первых, всеобщее неудовольствие результатами революции, всеобщее разочарование и озлобление. Для недовольных итогами революции все происшедшее легко объяснялось версией «жидовско-большевистского заговора», «засильем евреев» и т.п.

Во-вторых, безработица и бытовые неурядицы 20-х годов. Для самых малообразованных и низовых слоев евреи сохраняли черты мифологического средневекового еврея - торговца, ростовщика, хитрого и ловкого дельца, обманщика, чужака и противника христианской общины. То есть, негативизм в отношении еврейства был тесно связан с представлениями о них, как о носителях буржуазного, меркантильного духа (27). Хотя и здесь не все так просто и однозначно. В этом плане весьма любопытна переписка конца 20-х годов известного экономиста-аграрника, эмигранта «поневоле» Б.Д. Бруцкуса с Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичем. Ученого не удовлетворяет «сообщение о спекулянтах как корне антисемитизма»: «Говорю это, конечно, не в том смысле, чтобы среди евреев было мало «спекулянтов». При отсутствии правовых гарантий и правовых условий для экономического роста, как он пошел при нормальном бы хозяйстве, всякая торговая деятельность превращается в Сов[етской] России во что-то крайне неустойчивое, несолидное, отчасти рваческое. Поэтому ко всякой деятельности частного капитала можно сейчас приложить с некоторым основанием термин «спекуляция». Поэтому и отношение населения к частной торговле, несмотря на спекулянтский привкус, в данных условиях неизбежный, скорее благоприятно: «Скупщик /или «пискулянт», как его со слов власти мужики величают/ освобождает мужика от во истину бессовестной монополии [покупок] Советского государства. «Пискулянт» дает ему цену, какой т[ак] наз[ываемая] кооперация не дает. И так почему же мужик будет относиться к «пискулянту» враждебно?» (28). Эти выводы подтверждаются в письмах самих евреев в центральные органы власти: «Зато отношение крестьян к евреям совсем не антисемитское: «Крестьяне, приезжающие к нам, нас, евреев, спрашивают, почему мы так удручены, улыбки не видать, что [за] гнев разлился по вашим местечкам? Куда ни глянь - тут описывают, тут забирают последние подушки, там арестовывают. Все это производит самое плохое влияние на крестьян. Крестьянин покачает головой и выразит сожаление. Ох, как больно видеть, как нас крестьяне жалеют. Легко себе представить, что дальше может свершиться» (29).

Тогда как негативное отношение к евреям было гораздо более распространено в той среде, в которой практически отсутствовало взаимодействие с евреями, особенно в городах. Весьма характерен в этом отношении рост антисемитизма в Москве, где с 1925 г. целые улицы Краснопресненского района столицы заселялись евреями - ремесленниками и торговцами - выходцами из пограничных с Польшей, Румынией и Прибалтикой окраин. Это создавало настоящую конкуренцию для русского кустаря и безработного. В свою очередь, оставшаяся без работы масса столичной интеллигенции, не желавшая ехать в провинцию, шархнула вправо - «Россия для русских». Это совпало с бытовым антисемитизмом мелкой буржуазии и отдельных слоев рабочего класса. Хотя для части интеллигенции этот антисемитизм был своего рода вывеской для борьбы с большевистской диктатурой (30).

В этих условиях никто не задумывался над тем, что там, в местечках и городках экономическая политика советского правительства уничтожила всю

частную торговлю и промышленность. Жителям оставалось одна будущность - вымирать. Кто имел родных и связи, эмигрировали за границу, а некоторые искали спасения в крупных городах. Перед нами весьма характерное обращение группы евреев из Гомеля в редакцию газеты «Дер Эмес» (31) в феврале 1925 года: «Мы, евреи многих городов и местечек, обращаемся к Вам, дабы «излить перед Вами свои горькие сердца». Вам, верно, известно, что НЭП, т[о] е[сть] свободная торговля окончательно уничтожена: в каждом городе, местечке, деревне основаны государственные лавки, кооперативы, которые имеют вдоволь товару без налогов. Еврейские лавочки замерли: они не могут устоять против госмагазинов, у них нет достаточных средств для закупки товаров, они не могут платить налогов сверх своих сил. Тысячи людей ходят без дела. Нищета противна, и голова разрывается в поисках копейки. Стало так горько, хоть отравляйся или утопись со своими семьями в реке и, таким образом, покончить со своей горькой судьбой. Некому даже нам рассказать о своем горе. Газеты не дают места на своих станицах таким мелочам...» (32).

В уже цитируемом письме группы еврейских жителей Подольской губернии представлена жизнь небольшого еврейского местечка Копай-Город Подольской губернии, «которое пострадало больше других, ибо оно явилось центром всех передвигающихся армий и банд»: «Местечко состоит из 142 домов, вы, вероятно, мыслите себе действительных домов. Ничуть не бывало, одни домишки. 120 из них состоят из одной комнатухи и кухни, из двух комнатух и кухни найдется штук - 20, 3/4 из них комнатухи с лавчонками вместе. Семейств имеется 195. Из них 56 семей - кустарей, не имеющих хлеба, им негде заработать. 32 семейства вдов и сирот - наследство бандитов - петлюровцев и других, - без всяких средств к существованию, 20 семейств стариков, в могилу глядящих от нужды и голода, 35 семей - безработных, пять человек батраков, 8 бывших мясников, не имеющих кому мясо продавать, один раввин, два резника, которым платят водичкой из колодца. Таким образом, остается наша т[ак] н[азываемая] буржуазия, а вы знаете, кто она такая : 15 семей имеют патенты первого разряда, владеют одним расходным листком, а товару у каждого из них на пять - шесть рубл[ей] : 2 десятка спичек, 20 фунтов соли, 1 фунт монпансье, листов 20 папиросной бумаги и несколько катушек ниток. Весь этот «товарец» он сам покупает в кооперации и стоит с ним на улице прямо на земле, или он едет на ближайшую ярмарку, дабы заработать на фунт хлеба.

11 семейств имеет патент 2-го разряда, и такие у нас значатся крупными буржуа. Он едет в Жмеринку за какимнибудь-товаром, как-то: за бочкой сельдей, 5 пуд[ами] керосину, 20 фунт[ами] конфет, 100 пач[ками] спичек,- все это обходится в пятьдесят - шестьдесят рубл[ей]. Наиболее крупные торговцы - патентники 3-его разряда - 12 семей. 3/4 из них владеют товаром от 20 до 100 рубл[ей]. Это мануфактуристы, а закон таков, что раз имеет мануфактуру на 30 рубл[ей], он должен иметь патент 3-его разряда. Имеющих товар на 500 рубл[ей] - таких только шесть семей. Вот это есть те 192 семьи упомянутого местечка, и вы можете себе представить хорошую жизнь местечка».

Больше всего авторов обращения во ВЦИК гнетет произвол местных властей, достойный пера автора «Ревизора», страх перед которыми «невообразимый, точно не в свободной стране живем, а в странах инквизиции»: «... глава райисполкома - петлюровец, совхоза - то же самое, финагент - прежний

акцизник, комбед - то же самое, нарсуд, начмилиции и помощник - то же самое, а избранный совет - весь антисемитский. Они готовы в любой момент вырезать всех евреев, и эти в нашем местечке - самые сливки. Не лучше и руководители волости. У нас в местечке все объединены одним желанием: райисполком, округ, - уничтожить всех евреев. ... Что день, что ночь наша власть справляет пышные вечеринки с широкой выпивкой, а на это требуются приличные суммы, но начмилиции находит выход. Деньги нужны: «Сейчас же составить штук сорок - пятьдесят антисанитарных актов и деньги будут». У нас довольно чисто. Делать нам нечего, так изо дня в день чистим улицы, у нас гораздо чище, чем в Москве. Но власти, ведь деньги нужны, так фабрикуют протоколы и передают их в нарсуд, а там судят без свидетелей и т.д. Назавтра же несут на продажу последние оставшиеся подушки. Все стоят на крышах и красят трубы, боятся штрафов, затем очередь за лавочниками. Почему они открыли свои лавчонки от 12-ти до 4-х часов? А после всего этого издают приказ, чтобы вывески красились красной краской, что они должны иметь 1 1/2 аршина в ширину. За все неточности исполнения берутся [штрафы], а «деньги так и идут в свой собственный карман». Помимо этого, берутся взятки со всех сторон, справляются вечеринки и делают себе такие наряды, гораздо более красивые, чем наряды бывш[их] помещиков. А это проделывают все наши хорошие руководители власти».

Произвол на всех уровнях превращен в норму: «Остаются, значит, эти 38 семей торговцев, о которых мы уже писали. Стоит над их головой начмилиции и распевает им песенку, вроде, если ему в течение 24 часов не внесут от 38 лавчонок 120 рубл[ей], а от синагог - 150, он покажет, что милиция может сделать, например: антисанитарный акт, акты за вывески, за трубы, - тогда безусловно дороже обойдется. И если гражданин позволяет себе задать какой-либо вопрос, ему заявляют, что это есть контр-революционная агитация. Тогда вся масса запугивается, и из-за боязни продаются последние рубашки, и все исполняется. Вдобавок приходит некто, именуемый себя агентом Комторга и созывает собрание всех граждан. Затем велют им оставить собрание, ибо не их-то хотели собрать, только селян, потому что на собрании должны обсуждать, как мучить и душиить евреев. Среди евреев хлеборобов нет, за отсутствием у нас земли для евреев, остается ехать искать эту землю. Спрашивается, на какие средства ехать? Продать что ли свои домишки на 200 рубл[ей]? А ведь о таких элементах недавно в газетах писали, что им нельзя трогаться с места. С другой стороны, ведь домишко, собственно говоря, не свой, и вздумается Исполкому, он и национализирует несколько домов. Обжалуешь в нарсуд, ответ получишь, что, правда, в таких местечках национализация не существует, но исполком прав» (33).

Выход из сложившейся ситуации видится в развитии частнопредпринимательской деятельности, в защиту которой торговец из города Ромни Ш.М. Данькин пишет М.И. Калинину в июле 1926 г.: «Советское правительство нашло нужным и даже необходимым привлечь частный аппарат в хозяйственном государстве, использовать его гибкость, способности, умелость, приобретенные ими многолетней практикой, для установления хозяйственности страны, разоренной и разрушенной многолетней внешней и внутренней войной, так же для распределения товара между населением, пока кооперация научится и будет способна к этому. Сознательно было сказано покойным В.И. Лениным: «НЭП всерьез и надолго», понял о том, что кооперация долго не будет способна к

намеченной ей работе, и долго ее придется компенсировать из государственного фонда, что без частного предпринимателя торгово-промышленное хозяйство не может быть развито, таким образом, хозяйственность страны не может быть установлена». Как мы видим, автор весьма оригинально интерпретирует ленинские слова в собственных интересах.

Для убеждения всероссийского старосты в собственной правоте автор не жалеет образных выражений: «Частный торгово-промышленник полезен в государственном хозяйстве, как полезна овца в хорошем хозяйстве, которым корму мало требуется, уход около них незатруднительный, а пользы много: шерсть длинная, шуба теплая и мясо жирное. Частные торгово-промышленники, как пчелы, летают по полям, лугам и лесам, собирают мед, несут как будто бы в свои улья, а фактически несут мед хозяину, который забирает, имеет эту пользу. Просто сказать, частный торгово-промышленник работает своей энергией днем и ночью, не посматривая на часы, чем приносит пользу государству. Правильно было сказано покойным Ильичем – «частной торговлей построим железно-бетонный мост, по которому смело поедем к светлому будущему – социализму». Опять мы видим весьма вольное толкование слов Ленина. Думается, что для автора большее значение играет ссылка на авторитет вождя, чем сам смысл сказанного. Обида еврейского нэпмана на многочисленные поражения в правах гражданина советского государства («избирательного права ему не дают, детей их в университет не принимают, в армии их ставят в тыл картофель чистить и т[ому] п[одобное], в суде тоже не пользуются правами, как все остальные граждане советского государства, даже в их работе не пользуются равноправием, [в] так называемой кооперации») (34) вполне понятна.

В-третьих, всеобщая бюрократизация жизни: «В эту бюрократическую иерархию евреям приходится во чтобы то не стало войти, ибо иначе в Советии жить нельзя. И вот внутри бюрократии возникает много трений /отсюда антисемитизм даже в рядах коммунистов/, а трения между бюрократией и населением принимают оттенок антисемитизма» (35).

В-четвертых, еврейская колонизация Крыма и юга Украины, для осуществления которой в августе 1924 г. при ЦИК СССР был образован особый Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ) под председательством старого большевика, члена Президиума ВЦИК П.Г. Смидовича. К югу от Джанкоя было выделено 8 тысяч десятин, которые немедленно начали заселяться. Во второй половине декабря 1924 года КОМЗЕТ получил план наркомзема УССР землеустройства евреев на Украине, из которого видно было, что на площадь в 30.000 десятин в Херсонском округе Одесской губернии и Криворожском округе Екатеринославской губернии должно было переселиться 3.000 еврейских семей (всего Крымский проект предусматривал переселение около 100 тыс. еврейских семей). Финансовая помощь еврейских благотворительных организаций ИКОР (в переводе с иврита - крестьянин) и «Джойнт», которые передали СССР денег, машин и оборудования на сумму около 120 млн. долларов, способствовала созданию в Крыму двух еврейских поселений - Сталиндорф и Калининдорф. Но дальше этого дело не пошло.

Переселение столкнулось с большими проблемами, в частности, в связи с тем, что власти республики наделяли евреев уменьшенной по сравнению с переселенцами - неевреями земельной нормой. КОМЗЕТ был вынужден

обратиться к содействию Политбюро ввиду того, что наделение исключительно евреев по уменьшенной норме с хозяйственной точки зрения и принципиально недопустимо, так как ведет к дискредитированию партии и советской власти в глазах еврейских масс. В свою очередь, Бюро ЦК КП(б)У мотивировало свое решение учетом распространяющихся среди крестьян слухов об особых льготах для переселения евреев. На Правобережье, где земельная теснота наивысшая, такие слухи были наиболее политически опасны. Недовольство крестьян еврейским переселением в Крым получило широкий отклик в советской печати, втянув в открытую дискуссию по этому вопросу «всероссийского старосту» М.И. Калинина (36).

Помимо вспышки антисемитизма, переселенческая политика выявила ряд острых социально-экономических проблем. Согласно подсчетам газеты «Дер Эмес», для переселения было необходимо иметь по крайней мере 30 червонцев (37). Разоренное еврейское население задавало вполне законный вопрос: «... что делать нам, умирающим от голода и нужды, которым не у кого просить помощи? Мы проживаем последние крохи. Одни из нас уже похожи на мертвецов, другие еще немного барахтаются и ... тоже погибнут...». И далее: «Дайте нам возможность переселиться на землю. Хлопочите перед государством, перед Джойнтом, может они об этом в Америке расскажут и над нами сжалятся. Печатайте в газ[ете] «Эмес» об этом истинном отчаянном моменте, который мы, евреи, переживаем. Дайте нам заводы, фабрики, и мы со своими женами и детьми пойдем работать. Пусть пробудятся в Вас человеческие чувства, ответьте нам без злобы. Нам некуда бежать - Россия наша родина, и нам не нужна ни Палестина, ни Америка. Дайте только нам возможность жить. Вы не хотите нашей торговли - дайте нам землю и некоторые средства для земли и хлеба, до тех пор пока мы приступим к этой земле. Многие из нас - кустари, но с тех пор, как торговля уничтожена, нет у нас работы, и мы умираем с голоду» (38). Возникал замкнутый круг - и жить не в состоянии, и бежать некуда. Кроме того, вопрос о еврейском земледелии не решал проблемы восстановления еврейского хозяйствования проблемы: несколько десятков тысяч человек из 3-3,5 млн. населения не «делали погоды». Это понимали даже в партийном руководстве. Например, в докладной записке члена редакции «Правды» А.Г. Брагина (1922 г.) подъем еврейского хозяйства увязывается, прежде всего, с восстановлением его самобытной основы - частной собственности и ремесла (39).

В-пятых, осложнение международной обстановки в связи с разрывом в 1927 г. отношений с Англией. И здесь поиски внутреннего врага традиционно обращаются к «малому народу».

О серьезной вспышке антисемитизма (вплоть до погромов) свидетельствует кампания в печати в 1926-1929 гг. С 1926 г. антисемитские настроения стали настолько явными, что о них заговорили в фабричных и заводских ячейках. На многих заводах рабочие прямо заявляли, что евреи не дают ходу русским. На бывшем заводе «Бромлей», «Приводной ремень», на ткацкой фабрики имени Ногина появились плакаты «Бей жидов, спасай Россию!». Хотя во время бесед нередко выяснялось, что многие рабочие под евреями подразумевают вообще нерусских. Такой же смесью шовинизма и антисемитизма были заражены не только беспартийные, но и рабочие-коммунисты и даже «ответственные». Один из последних заявил: «Сегодня я коммунист, а придет время, я первый жидов

резать буду». Охвачена антисемитизмом оказалась и рабочая молодежь, в том числе и комсомольцы. Случалось, что в комсомольских клубах поднимались дебаты о том, что евреям нужно образовывать отдельные ячейки и клубы. Встречались комсомольцы, распеваящие частушки типа:

Электрическая конка
Переехала жиденка.
Получилась маца,
Лямца-дрица, гоп-ца-ца!

А вот еще характерная картинка. Школьники-пионеры идут в колонне и поют на мотив пионерской песни: «Долой, долой пархатых, долой, долой жидов». Были случаи, когда в пионеры отказывались принимать еврейских мальчиков и девочек (40).

«Почва» выражала свою антипатию власти языком антисемитизма. Власть, в свою очередь, также отвечала на этом языке, пытаясь, во-первых, убрать всякие следы своей связи с евреями путем освобождения их с руководящих постов, а во-вторых, активной борьбой с сионизмом в международном масштабе (41). Исследования В. Роговина наглядно иллюстрируют, что на первом этапе внутрипартийной борьбы (1923-1925 гг.), когда Сталин выступал в союзе с Зиновьевым и Каменевым, игра на струнах антисемитизма носила замаскированный характер. Хотя штаб оппозиции в большинстве составляли коренные русские, однако Сталин акцентировал внимание на еврействе Троцкого. Положение изменилось к худшему после разрыва «тройки»: Киров в Ленинграде, а Угланов в Москве проводили откровенно антисемитскую кампанию, снимая с постов евреев-оппозиционеров. Рядовым рабочим летом 1927 г. внушалось, что оппозиция – «это жида». Присланный, например, в типографию РКИ докладчик подчеркнул, что во главе оппозиции стоят евреи – Троцкий, Зиновьев, Каменев. И такие антисемитские выпады делались сторонниками Сталина на многих рабочих собраниях. То есть, сталинцы учитывали антисемитские настроения известных слоев рабочей массы. Во второй половине 1927 г., когда подготавливалось исключение оппозиционеров из партии, их аресты и высылки, антисемитская кампания приняла откровенно разнузданный характер. Лозунг «Бей оппозицию» нередко окрашивался старым призывом «Бей жидов, спасай Россию» (42).

Вполне понятно, что в условиях жесткой внутрипартийной борьбы и подготовки к слому нэпа, несмотря на все попытки справиться с крайними проявлениями антисемитизма административными мерами, опираясь на войска ОГПУ и красноармейцев, последний на убыль не идет. Еще меньший эффект дает традиционный «пропагандистский набор»: «1) издать в десятках тысяч экземпляров дешевые и популярные книжки об антисемитизме для рабочих и крестьян; 2) печатать регулярно на эту тему в газетах и журналах (напр[имер] «Огонек», «Кр[асная] Нива») статьи и 3) ставить на фабриках и заводах доклады об антисемитизме (в обеденный перерыв) и чаще устраивать в клубах лекции на эту же тему» (43).

Но эти предложения больше напоминают «бой с тенью», а не борьбу с истоками антисемитизма, который постепенно с бытового уровня возводился в ранг государственной политики. Имитация борьбы с антисемитизмом на уровне идеологических лозунгов совершенно не мешала возрождению в 20-е годы предложений, возвращающих страну во времена существования еврейской «черты

оседлости». Письмо из Вятки М. Шураковой в редакцию журнала «Голос Кожевника» 26 июля 1927 г. - наглядный тому пример: «... наше пожелание, чтобы в нашем Союзе не было какого-либо первенства одного из народов СССР, надо при приеме в ВТУЗ соблюдать % % отношение между поступающими лицами - представителями народов. Положим, русских 70% по отношению к остальному населению Союза, то пусть будет их 70% и в ВТУЗе, а других 30% и по выходе из школ также должны распределяться на службу» (44).

Джин выпущен из бутылки. Поэтому обоснованным кажется вывод Б.Г. Литвака, в основе которого лежит анализ донесений информационного отдела ОГПУ за 20-е годы о проявлениях антисемитизма в СССР, о том, что для гитлеровской резни евреев в СССР существовал вполне заметный слой убежденных антисемитов, готовых добровольно стать в ряды палачей. Мотив войны, которая развяжет им руки, проходит красной нитью через высказывания многих представителей «гегемона». Кроме того, все те требования полуграмотных «идейных» антисемитов 20-х годов были приняты к исполнению в послевоенном государственном антисемитизме.(45). Все это вполне согласуется с общим направлением трансформации антисемитизма в первое послереволюционное десятилетие, прослеженной в рамках данной статьи.

Отдельный, весьма немаловажный сюжет «еврейского вопроса» - позиция самого еврейского населения, прежде всего интеллигентских слоев, относительно перспектив своего существования в стране «пролетарского интернационализма». Реальное воплощение своей свободы определенная часть еврейской интеллигенции видела в предоставлении им автономии. Сразу после Февраля 1917 г. «Еврейское Учредительное собрание» - Всероссийский еврейский съезд - было задумано как практическая мера осуществления идеи «еврейского автономного общества в России». В Петрограде в июле 1917 г. подготовительная конференция приняла программу съезда, выборы на который состоялись только в январе 1918 г., хотя сам съезд так и не собрался. Зато в январе 1918 г. в Иркутске состоялся съезд еврейских общин Сибири и Урала, на котором присутствовали более половины общин региона, который сформировал организационные структуры национального самоуправления евреев на основе национально-персональной автономии.

Но с приходом Красной армии положение в корне изменилось. В докладной записке Омского еврейского общинного Совета Сибревкому в конце января 1920 г. с просьбой декларировать право еврейского населения на национально-персональное самоуправление содержатся сведения, что с момента занятия города красноармейскими частями Омский губревком ликвидировал деятельность почти всех органов еврейского общинного совета, а здания, построенные на средства местной общины (дом дешевых квартир, общежитие для инвалидов, больница, школа и т.п.), были переданы в ведение отдела соцобеспечения (46).

Реально программа «самоопределения» основывалась на «коллективном праве народа иметь свои органы национального самоуправления»: «По существу речь идет даже не о самоуправлении в подлинном его виде - территориальной автономии: еврейское самоуправление, оторванное от исторической почвы и прикрепленное только к живому его носителю - национальной группе, - суррогат автономии». Суть еврейского самоуправления понимается авторами записки, как наличие своего представительного органа и удовлетворение тех специфические

нужды в области образования, социального обеспечения и прочего, которые не покрываются общими заботами государства. В записке особо подчеркивалось «трагическая сторона» положения еврейского населения: «евреи вынуждены везде принимать участие в судьбе тех народов, среди которых живут... Но как только еврейский народ заявляет желание иметь собственную судьбу и творить свою жизнь, это вызывает всегда либо недоумение, либо раздражение» (47). Но ответом на это обращение стало постановление Сибирского ревкома от 26 февраля 1920 г. о закрытии еврейских общинных советов и передаче их имущества в ведение еврейских секций подотдела национальных меньшинств губернских и городских отделов народного образования, а имущества и предметов религиозного культа - объединениям верующих (48).

Что же касается планов создания еврейской автономии в 20-е годы, то позицию советского руководства по этому вопросу следующим образом сформулировал в 1925 г. Ю. Ларин: «Мы не ставим себе целью непременно создать в пределах СССР еврейскую республику. Но если еврейские массы действительно захотят этого, если они широко перейдут к земледелию и заселят сравнительно сплошные районы, то образование республики совершенно обеспечено на тех же основаниях, на каких созданы все прочие автономные республики, входящие в состав Советского Союза. А для заселяемых евреями небольших территорий уже теперь одновременно вводится создание местных еврейских советов, волостей и районов» (49). Действительно, в 20-е годы были созданы 4 национальных района на Украине и в Крыму, широкая сеть народного образования на идиш (детские сады, начальные и средние школы, профтехучилища, техникумы, факультеты еврейской литературы, языка и истории в университетах Москвы, Киева, Минска, Одессы, Житомира, Гомеля и других городов), 14 еврейских государственных театров, 35 газет, журналов и прочих периодических изданий на идиш (50).

В середине 20-х годов переселенческий вопрос тесно переплелся с проблемой создания еврейской автономии. КОМЗЕТ наметил для еврейской колонизации территорию в 35 тыс. кв. км в составе Хабаровского края (Биробиджан) и направил туда экспедицию под руководством профессора Брука, которая вернулась с обстоятельным отчетом. Под влиянием широкого международного общественного движения в 1926 г. состоялся учредительный съезд общества по землеустройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ), объединивший в своих рядах широкие круги еврейской общественности. После образования ОЗЕТа мнения еврейской общественности по поводу Биробиджанского проекта разделились. Многие высказывались против: отталкивала неосвоенность территории, пугала изоляция от цивилизованного мира, а кроме того, существовал предложенный Ю. Лариным более привлекательный альтернативный проект еврейской колонизации. Он заключался в осушении Сиваша и днепровских плавней с тем, чтобы объединить еврейские поселения в Крыму и на юге Украины. Однако большинство членов руководства ОЗЕТа согласилось с правительственным проектом и в 1928 г. СНК издал постановление о выделении для еврейского заселения Биробиджанского района. Но колонизация Биробиджана осуществлялась с большим трудом: из тех евреев, которые отправились в Биробиджан в 1928 г. 60% вернулись обратно. Однако несколько тысяч евреев в

Биробиджане осели, и 7 мая 1934 г. этот район получил статус Еврейской автономной области (51).

Но далеко не все евреи видели решение «еврейского вопроса» в политике переселения или в создании еврейской автономии. Например, некто Б.И. Берн из Воронежа в письме М.И. Калинину 16 июля 1926 г. выражает сомнение в том, что еврейский вопрос в его постановке с точки зрения «... Иванов, не помнящих, вернее, никогда не знавших своего культурно-национального родства» может быть решен на территории СССР: «Вы можете, наконец, где-либо в СССР искусственно создать и сплотить такую еврейскую массу, чтобы могла образоваться автономная еврейская республика, но еврейского вопроса в его национальной постановке Вы решить не можете, так как этот коллектив, сохраняя в семье и школе еврейский жаргон, тем самым отрежет себя от всей нашей литературы со времен пророка Амоса до поэта Бялика, получая в наследство одну только пару десятков книжек беллетристического содержания на жаргонном языке». Для корреспондента, «сохранить бытие еврейской нации в ее исторической культурной цепи возможно только с созданием нового автономного еврейского коллектива, на его исторической родине, в Палестине, и на его национальном древне-еврейском языке. Ибо исторический опыт показал, что всякий еврейский коллектив, если даже он будет создан во всякой другой стране, кроме Палестины, возродить национального древне-еврейского языка не может, и, так как все самобытное наследие нации за с лишком 3000 лет жизни лежит в литературе этого языка, то отказ от него - есть тем самым *volens-nolens* отрыв от исторического еврейства. Вот сущность сионистской идеи» (52).

Подобные настроения, возникающие и распространяющиеся в советской действительности, вполне закономерны. Ведь политическое значение национальной принадлежности состоит в том, что она наполняет граждан чувством целеустремленности, уверенности и достоинства, вселяя в них ощущение того, что они «у себя дома». Это позволяет им распознавать условности институциональной и повседневной жизни. Национальная принадлежность придает членам нации чувство надежности и безопасности для себя и уверенности в других (53). А если же подобного чувства не возникает, то возникает стремление найти такое место, которое даст такие ощущения. Для тех же еврейских семей, которые не связывали свою судьбу с эмиграцией, вопрос стоял прямо: «... либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к Родине. Третьего не дано» (54).

• *Статья подготовлена при поддержке The Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation (RSS) N1624/127/1998.*

Примечания:

1. Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 3.
2. Милуков П.Н. Еврейский вопрос в России // Щит: Лит. сб. М., 1915. С. 140,144-147.
3. Лебедева-Каплан В. Евреи Петрограда в 1917 г. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 12-13.
4. Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991. С. 48.
5. Цит. по: Власов Ю. Россия и еврейский вопрос // Радонеж - век XX. 1993. № 4. С. 42.

6. Айхенвальд Ю.И. Большевизм – антисемитизм // Руль, Берлин. 1923. 18 ноября. (Статья опубликована под псевдонимом Б. Каменецкий)
7. Лебедева-Каплан В. Указ. соч. С. 4.
8. См., например: Еврейская неделя. 1917. № 43-44. 19 ноября. С. 1-2.
9. Есенин С.А. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 3. М., 1978. С. 113-114.
10. Кричевский Л. Евреи в аппарате ВЧК - ОГПУ в 20-е годы // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1 (8). С. 115-117,121.
11. ГА РФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 209. Л. 18-19об.
12. Там же. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 23. Л. 48.
13. Известия ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. № 28. С. 2.
14. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 83. Д. 22. Л. 24-25об.
15. Объявление ВЦИК в газете // Известия. 1918. 23 июня.
16. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 3. Л. 152-158.
17. Там же. Оп. 55. Д. 11. Л. 20.
18. Там же. Оп. 119. Д. 9. Л. 33-38.
19. Еврейский вестник. 1922. № 5. С. 5.
20. Гусев В. О еврейских погромах, помощи пострадавшим и эмиграции евреев из Украины (1917-1921 гг.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 65,68-69,71.
21. ГА РФ. Ф. 6990. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-2об.
22. Гусев В. Указ. соч. С. 75,78,80.
23. Черняк А.М. Этнополитические проблемы евреев в СССР // Национальная политика в СССР. М., 1991. С. 221.
24. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 9. Л. 33-38.
25. Кричевский Л. Указ. соч. С. 122,124,126.
26. «Еврейский вопрос» в частной переписке советских граждан середины 1920-х гг. (По материалам перлюстрации) / Публ., вступ. ст. и комментарии В. Измолика // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 164.
27. Гудков Л., Левинсон Л. Отношение населения СССР к евреям // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 12,21,30.
28. Читая письма Бориса Бруцкуса (письма экономические, политические, домашние) // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. V. Иерусалим, 1996. С. 254.
29. См., например: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 9. Л. 33-38.
30. См.: Гр. Немой. Московский антисемитизм // Социалистический вестник. 1929. № 4. 22 февраля. С. 14-15; Его же. Антисемитизм интеллигенции // Социалистический вестник. 1929. № 9. 4 мая. С. 14-15.
31. «Дер Эмес» - газета «Правда», выходившая на еврейском языке в 1918-1938 гг., орган Центрального бюро Еврейских секций при ЦК партии.
32. ГА РФ. Ф. 5446с. Оп. 55. Д. 856. Л. 3-2.
33. Там же. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 9. Л. 33-38.
34. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 172. Л. 69-69об.
35. Читая письма Бориса Бруцкуса ... С. 254.
36. См., например, рубрику «Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым» в газете «Известия» (1925. № 157. С. 3).

37. См.: Дер Эмес. 1925. № 24.
38. ГА РФ. Ф. 5446с. Оп. 55. Д. 856. Л. 3-2.
39. См.: «Объективно создаваемая экономическая катастрофа». Еврейские местечки в 1920-х годах / Вступ. ст. и публикация В. Хитерер // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1 (8). С. 214-215.
40. Гр. Немой. Московский антисемитизм ... С. 14-15.
41. Ахиезер А. Антисемитизм в России: взгляд культуролога // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 116.
42. Роговин В. Л.Д. Троцкий об антисемитизме // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 95-97.
43. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 32. Д. 5. Л. 3.
44. Там же. Ф. 5545. Оп. 4. Д. 12. Л. 125-127.
45. Литвак Б.Г. Американско-канадский дневник. М., 1998. С. 256.
46. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. 1. Сибирь. 1917-1920 / Автор-составитель И.В. Нам. Томск, 1998. С. 269-270.
47. Там же. С. 271-274.
48. Там же. С. 274-275.
49. См.: Еврейский крестьянин. Сборник № 1. М., 1925. С. 6,12,17.
50. Ременик Г.А. Очерки и портреты. М., 1975. С. 39.
51. Бокарев Ю. «Остров Крым». Загадка проекта еврейской автономии в Крыму // Россия XXI. 1995. № 3-4. С. 56-57.
52. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 62. Д. 3. Л. 64-70. Опасения автора письма относительно родного языка вполне оправданны. Если в 1897 г. 97% евреев считали своим родным языком идиш, то в 1926 г. - 73%, в 1959 г. - 21,5%, в 1979 г. - 14,2%. (См.: Черняк А.М. Указ. соч. С. 219).
53. Кин Д. Нации, национализм и гражданство в Европе // Международный журнал социальных наук. 1994. № 4. С. 30.
54. В данном случае автор цитирует строки из очерка Д.С. Пасманика «Чего же мы добиваемся?» по: Власов Ю. Указ. соч. С. 44.